

ШАМАНЫ МИСТВЕННОЙ РЕКИ

АЛЛА ТРУБИНА ~ АЛЕКСЕЙ ВАРФОЛОМЕЕВ

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА

КРЫЛЬЯ ВЕТРА

Крылья ветра

Алексей Варфоломеев

Шаманы лиственничной реки

«Издательский Дом Мещерякова»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Варфоломеев А. А.

Шаманы лиственничной реки / А. А. Варфоломеев —
«Издательский Дом Мещерякова», 2025 — (Крылья ветра)

ISBN 978-5-00108-661-1

Данилу совсем не нравится в северном городке, куда ему пришлось переехать вместе с родителями. Прежние друзья посмеиваются в мессенджере, спрашивая, видел ли он уже белых медведей и не съели ли его живьём знаменитые северные комары, но от этого одиночество только сильнее и домой хочется всё больше. В родной Саратов, подальше от странных солнечных ночей, ледяной речки и непонятных местных словечек и обычаев. А ещё с Данилом тут творится что-то странное. Из-за незнакомой девушки он едва не тонет – но его спаситель утверждает, что никакой девушки не было. На ярмарке он знакомится с добродушной торговкой сувенирами – а она почему-то не отображается на видеозаписи. Да и местный кузнец, который вроде как понимает, что здесь творится, похоже, главное скрывает. И вот уже стелется над равниной туман, и гудит свою древнюю песню варган, и бредут, качая в тумане бивнями, тени подземных оленей, а старик из местных духов хэ-хэ жалуется на дорогу, проложенную через священные земли... Данилу остаётся только одно – разобраться во всём этом и научиться не бояться собственной таинственной силы. Если, конечно, он хочет защитить себя и тех, кто ему дорог.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00108-661-1

© Варфоломеев А. А., 2025

© Издательский Дом
Мещерякова, 2025

Содержание

Сказка первая	7
Глава 1,	7
Глава 2,	16
Глава 3,	24
Глава 4,	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Алла Николаевна Трубина, Алексей
Александрович Варфоломеев
Шаманы лиственничной реки**

© А. Н. Трубина, текст, 2025

© А. А. Варфоломеев, текст, 2025

© М. О. Безац, иллюстрации, 2025

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2025

Сказка первая Комариное лето

Глава 1, из которой можно узнать температуру воды в реке Пур в июне, а также выучить пару слов на ненецком языке

Данил мог поспорить, что ещё секунду назад никакой девушки на берегу не было. Только что песчаный пляж, насколько хватало зрения вокруг, пустовал. Но вот Данил моргнул, смахивая прилетевшего прямо в глаз комара, и на тебе! Невысокая и худенькая, в светло-коричневой меховой куртке с капюшоном. Сидит на корточках на зелёном от водорослей бревне у самого берега. Хлопает ладошкой по воде и замирает, прислушиваясь.

– Ты что-нибудь понимаешь, Зулус? – шёпотом спросил Данил у идущего рядом добермана. Пёс отреагировал на своё имя и внимательно посмотрел на хозяина снизу вверх. «Разберёмся», – говорил его спокойный взгляд. Данил глянул на девушку. В такт её хлопкам из реки выпрыгивали мальки. Девушка наклонилась ближе к бирюзовой воде, словно что-то высматривая на дне реки.

Пока Данил хрустел по подсохшему ягелю к пляжу, он успел решить, что ему, конечно же, показалось. Девушка была тут и раньше. Просто её куртка сливалась с полосой песка и он не сразу заметил.

Плеснула крупная рыбина где-то на глубине. Девушка засмеялась – словно тающие льдинки перекатились в весеннем ручье. Она наклонилась к воде совсем низко, и бревно под ней опасно покачнулось.

– Эй! – Данил в пару прыжков преодолел расстояние до кромки воды. Зулус не отставал, из-под лап добермана летел песок.

Девушка обернулась и встала на бревно так резко, что капюшон отбросило с лица. Светло-русые волосы взметнул порыв холодного ветра. Металлические бляшки на её поясе зазвенели бронзовыми колокольчиками.

– Эй? – неуверенно сказала она и улыбнулась.

– Ты свалишься же! – Данил протянул девушке руку. Неожиданно холодные и сильные пальцы обхватили его ладонь и потянули. Шаг – и Данил уже стоит рядом с незнакомкой. Бревно под ногами шевельнулось, как живое, и Данил переступил по нему, лоя равновесие. Только сейчас он заметил, какое сильное течение совсем рядом с берегом. Бревно начало разворачивать. Залаял Зулус.

– Тихо, Зу!

– Ти-хо, – эхом повторила девушка, безмятежно улыбаясь.

Если бы Данил спрыгнул сразу, он бы успел. Ну, может, намочил бы до колена ногу. Или обе. Но девушка всё ещё держала его за руку, а трусом выглядеть не хотелось. Когда Данил понял, что бревно отдаляется от берега, подхваченное течением, было уже поздно.

Зулус сорвался с места и с громким лаем помчался вдоль реки. Он добежал до самой воды, отскакивал и продолжал нестись, стараясь не отставать от плывущего бревна. Данил очнулся от ступора. Мысли металась в голове, как мотыльки над костром.

– Что... – выкрикнул он в лицо девушке, – делать?!

Как будто она могла достать из-под куртки весло и вернуть их на берег! Девушка снова улыбнулась. Она словно не замечала ни течения, ни шаткого бревна под ногами, ни громкого лая Зулуса на берегу.

– Кальеву. – Она ткнула себя пальцем свободной руки в грудь, потом указала на Данила:

– Эй?

Данил мотнул головой. От дикости ситуации хотелось кричать.

– Я не «эй», я Данил! Что делать будем, спрашиваю?

Девушка залопотала что-то на незнакомом языке, указывая вниз по течению.

– Мне туда! – Данил махнул в сторону берега.

Девушка отпустила руку Данила и отвернулась, будто обиделась. Разговор не получался. Меж тем бревно вышло на стремнину и быстро набрало скорость. Данил вцепился в девушку, а та лишь придерживалась рукой за торчащую ветку и смотрела вперёд. Они пронеслись мимо костра на берегу. Подростки, сидевшие у огня, подскочили и побежали следом вдоль берега, но быстро отстали. Лай Зулуса слышался где-то позади.

Бревно всё несло по течению, пока река не сделала изгиб. Здесь оно почти остановилось, но его начало разворачивать. На излучине спиной к Данилу сидел мужчина в затёртом камуфляже и шляпе с москитной сеткой, с удочкой в руках.

– Помогите! – заорал Данил и замахал руками.

При этом он чуть не упал в воду и вновь ухватился за свою спутницу. Мужчина подскочил на месте, повернулся к реке, всплеснул руками и побежал к ним, но тут бревно вновь развернуло, и Данил потерял рыбака из виду. Мимо лица просвистело что-то блеснувшее золотом и вонзилось в руку Кальеву. Она вскрикнула и схватилась за впившуюся в ладонь блесну. И без того неустойчивое бревно начало крутиться. Данил крепче ухватился за пояс девушки, но тот затрещал и, оставив несколько бляшек у него в руках, разорвался.

Вода была безумно холодной. Ледяные когти мгновенно вонзились в кожу по всему телу. Дыхание перехватило. Один кроссовок слетел с ноги, на мгновение мелькнул под водой, проплывая мимо, и исчез в глубине. Куртка и толстовка, минуту назад лёгкие и тёплые, облепили стылым панцирем и словно налились свинцом. Данил вынырнул и вцепился в край бревна. Выбраться на него сил уже не хватило, поэтому он попробовал грести ногами, направляя бревно к берегу. Выходило не очень, зато удалось немного отдышаться. Данил подтянулся и стал оглядываться, пытаясь найти над водной гладью светловолосую голову, но её не было видно.

Бревно наконец сменило маршрут и медленно поплыло к берегу. Когда пальцы уже начало сводить от холода, Данил неожиданно упёрся коленями в песок. От неожиданности он разжал руки и снова окунулся с головой, но тут его схватили за шиворот. Тот самый рыбак, набирая полные сапоги воды, тянул его к берегу.

Данил попытался встать и оторвать руку своего спасителя от воротника:

– Д-девушка, там, на бревне, надо спасти!

– Мальчик, какая ещё девушка! Ты один на бревне ехал.

Лай Зулуса приближался из-за кустов. Подбежали те подростки, которых Данил видел у костра.

Рыбак обернулся к ним:

– Ребят, ваш друг?

– Нет!

– С ним была девушка на бревне?

– Да нет, он один плыл!

– Г-говорю, б-была!

– Ты бредишь, пацан, не было там никого, – сказал рыбак и, не отпуская ворота Даниловой куртки, потащил его к костру. – Так, теперь раздевайся, быстро!

– Вы изд-девааетесь, дяденька? Х-холодно же!

Ребята наперебой закричали:

– Раздевайся! Замёрзнешь!

Мужчина потянул толстовку с Данила, приговаривая:

– Я тебе покажу «издевааетесь», вот родители твои явятся – и покажу... На, завернись в одеяло, и к костру поближе. Быстро!

В руке Данила неизвестно откуда возникла металлическая кружка с пахучим чаем. Чёрным, как дёготь, и сладко-горьким.

Данил начал согреваться и почти задремал. Холодный нос Зулуса тыкался ему в ладонь, а голос рыбака доносился будто сквозь плотную вату:

– Парни, а там точно не было никакой девушки? Уверены? М-да... Вызову-ка я на всякий случай МЧС.

* * *

Данил сидел на кухне и молчал, разглядывая скатерть – белую в дурацкий синий цветок. Свитер рыбака висел на Даниле бежевым мешком. Но снимать его, вопреки всякой логике и здравому смыслу, Данил отказался. Мама стояла у плиты спиной к нему, всей своей позой выражая негодование, но тоже молчала. Наконец он сдался:

– Мам!

Зулус тут же ткнулся ему в колени, но Данил лишь отмахнулся, и доberman, тихо проскулив, забрался под кухонный стол, где и улёгся, громко и демонстративно вздыхая.

– Мам, ну что я сделал?

– Для начала, ты чуть не утонул, – начала она спокойно, но тут же сорвалась на крик: – Мы позавчера сюда приехали, а ты уже чуть не умер! Что дальше будет? Тебе же не пять лет, тебе четырнадцать! Мне что, за ручку тебя на прогулку водить?

Мама начала размешивать суп с такой силой, словно взбивала сливки, кипяток плеснул на руки, и она отшвырнула ложку в раковину. Жалобно звякнули немытые тарелки.

– Но я же ничего не сделал, это та девушка... – начал было Данил.

– Ещё раз скажешь про девушку, я тебя сама пришибу, – ответила мама, достала ложку из раковины, аккуратно сполоснула и снова начала размешивать суп. – Сейчас отец приедет, с ним и объясняйся!

Данил пробрался мимо штабеля коробок в коридоре, закрылся в своей комнате, лёг на диван и взялся за телефон. Через минуту пришлось встать и впустить Зу. Доberman тут же забрался к Данилу и сунул нос под его ладонь – гладь, мол. Данил рассеянно начал чесать Зулуса за ухом и открыл мессенджер. Ни одного сообщения в личке. Открыл диалог с Катей. Вчерашнее «Привет, как дела?» было прочитано и оставлено без ответа. Данил набрал: «Чем занимаешься?» – вздохнул и удалил.

В коридоре хлопнула дверь. Отец прошёл на кухню. О чём-то негромко поговорил с матерью и через минуту постучал в комнату.

– Да, пап, – обречённо ответил Данил.

Отец вошёл и сел в компьютерное кресло. Запахло машинным маслом и соляжкой. Отец всегда казался Данилу таким высоким и широкоплечим, Данил радовался, что становится похожим на него. Только волосы у него были не тёмными, как у отца, а русыми, как у мамы. Но сейчас отец будто бы поник плечами, сжался. Он поставил кружку с чаем на стол и повернулся к сыну.

– Мне сегодня из МЧС позвонили. Вкратце объяснили, что произошло. Расскажешь свою версию? – Серые глаза отца смотрели пристально, в них была усталость пополам с напряжением.

– А что рассказывать? Гулял с Зулусом, запрыгнул на бревно, оно и поплыло. Потом меня рыбак какой-то вытащил.

– Матери ты иначе сказал, – покачал головой отец.

– Не знаю почему.

Отец пересел на диван и положил руку Данилу на плечо.

– Я понимаю, тебе сейчас сложно. Переезд, с друзьями пришлось расстаться. Но это не повод создавать проблемы для спасателей.

– Какие проблемы? – не понял Данил.

– Они на всякий случай проработали версию с девушкой. Эхолот, два катера и отряд спасателей на машине. Представляешь, сколько это стоило?

– Деньги. Ты всё переводишь в деньги! Почему мы сюда приехали? Из-за денег. Почему нельзя про девушку говорить? Из-за денег. Почему...

– Сын...

– Что – «сын»? Здесь плохо. Песок этот везде. Как можно жить в городе, где в июне ещё не везде снег растаял? Мне никто из друзей не пишет. Катя на сообщения не отвечает. Зачем мне эти твои деньги?

– Так вот откуда девушка придумалась... Данил, поверь, будут у тебя и новые друзья, и новая Катя. Со временем ты поймёшь, для чего мы здесь.

– Не хочу ничего понимать! – выкрикнул Данил.

Отец встал и открыл окно. В комнату ворвался прохладный сквозняк, откуда-то издалека доносились чайчи крики. Данил с мрачным видом гладил Зулуса и молчал. Отец вздохнул и вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Через мгновение в зале включился телевизор.

«Новости Ямала, – серьёзным голосом говорила диктор. – Сегодня в нашем выпуске. Опасный заплыв в Тарко-Сале: мальчика, уплывшего по Пуру на бревне, спас местный рыбак. МЧС предупреждает об опасности игр на воде. Губернатор прибыл в Надым...»

Данил уткнулся в подушку и наконец заплакал.

* * *

Солнце расцветило тёмные шторы бордовым. Сквозь узкие щели прорывались белые лучи. В них танцевали пылинки, отсвечивая снежным серебром. Данил открыл глаза и долго пытался сообразить, на каком свете он находится. Понял, что вполне себе на этом, и включил экран телефона, чтобы посмотреть время. 02:00, приветливо мигнули цифры. Данил сел на диване. Спать до обеда в планы не входило. Странно, что он не слышал, как мама готовила завтрак и как отец собирался на работу. Да и Зулус уже должен был приплясывать у постели, уговаривая хозяина выйти на улицу прогуляться.

Данил встал и отдернул шторы. Улица была засыпана песком и залита сверху солнцем. Солнечный диск висел в безоблачном серо-голубом, словно выгоревшем небе прямо над домами. На улице царила тишина. Ни одного человека, ни одной машины. Даже вечно орущие чайки куда-то подевались. Данил зевнул, потянулся и снова взял в руки телефон. Два часа, ноль три минуты. «АМ» не горит, он давно уже переключил телефон в двадцатичетырёхчасовой режим.

И тут до него дошло – это же те самые белые ночи, на которые жаловался отец. Данил почесал в затылке и лёг обратно на диван. Проворочавшись в постели час, он сдался наконец и прошлёпал босыми ногами на кухню. Включил чайник, достал хлеб и сыр. На кухне плотных штор не было, и её наполнял серебристый неестественный свет. Дверца холодильника оглушительно хлопнула. Где-то в глубине звякнули банки. Данил прислушался, но в квартире стояла тишина. Он как раз закончил нарезать пару бутербродов, когда на кухню вошёл отец. Он почесал бок, потянулся и проговорил:

– Что, маешься?

– Проснулся случайно, теперь не могу уснуть, – ответил Данил.

– Это, дружок, всегда так с непривычки, – улыбнулся отец. – Ты перекуси и снова ложись. Должно помочь! Кстати, сделай и мне пару бутеров.

С этими словами отец опять скрылся в спальне.

Второе пробуждение было болезненным. Зу скулил у дивана и норовил стянуть с Данила одеяло. На кухне гремели посудой. Стекланный перезвон болью отдавался в голове. За окном шумел город. Сигналили машины, переругивались люди, спешащие на работу. Словом, город, в отличие от Данила, бурлил энергией и жизнью. В комнату заглянул отец:

– Ну что, сын, как тебе первое ночное бдение?

– Не понравилось, – буркнул Данил.

– Лиха беда начало. Слушай, я тут подумал. Сегодня в парке мероприятие какое-то. То ли фестиваль, то ли выставка. Ты бы сходил туда. Развеемся. Может, подарков друзьям прикупишь. Эксклюзивных северных.

– Ну давай, схожу, – пожал плечами Данил.

Отец кивнул, оставил на комодке несколько купюр и вышел из комнаты.

Зулус упирался до последнего. Он мрачно глядел на хозяина, тянущего его к дому, и нехотя перебирал лапами. Когда понял, что задержаться на улице не удастся, тяжело вздохнул и шагнул в подъезд. Сел в коридоре и даже не обернулся на Данила, когда тот закрыл дверь. Спина пса явственно выражала презрение и обиду на такое отношение к хорошему мальчику.

Данил запустил навигатор. Телефон голосом Николая Дроздова предложил ориентироваться по муравейнику – телефон отчего-то не мог связаться со спутниками. Данил пожал плечами и увеличил карту – идти совсем недалеко, можно и так разобраться. В мессенджер прилетело сообщение. За последние три дня никто ни разу не позвонил и не написал Данилу, так что он вздрогнул от внезапной вибрации и звука, едва не уронив телефон. Писал одноклассник Костя:

«Привет, как северная жизнь? Уже видел белых медведей?»

«Вообще не выспался – ночью солнце не заходит. Бред какой-то! Иду на выставку, может, там медведей показывают:»)»

«Давай, присылай фотки потом! Интересно же, что там у вас есть!))»

У входа на выставку три оленя по-коровьи меланхолично пережёвывали траву. Данил остановился, разглядывая мохнатые носы и небольшие, тоже покрытые шерстью, рога. Сделал несколько фоток. Сфотографировал и мужчину, который стоял рядом с животными. Невысокий, непонятного возраста – лицо, словно пропечённая картошка, тёмно-коричневое, в мелких морщинах. Такому дяде может быть и тридцать, и даже сорок лет. Мужчина не обратил на папарацци никакого внимания. Он погладил оленя по холке и, вяло отмахиваясь от комаров куцым прутиком с тремя листиками, ушёл к саням, стоящим поодаль.

– Как ему только не жарко в этой шубе? – пробормотал Данил, глядя на его меховую накидку. Вспомнил недавнее речное знакомство и добавил:

– Похоже, местные тут всегда так ходят.

Комары не дали стоять и глазеть на оленей, полезли в рот и глаза. Данил отмахнулся и пошёл на выставку. Пока он не останавливался, насекомые не очень беспокоили. Сразу за входом аниматоры зазывали играть в местные игры. Дальше, вдоль дорожки, выложенной жёлтой прямоугольной плиткой, располагались небольшие ларьки с разными вкусностями и сувенирами. Данил изучил товары и цены. Отец оставил полторы тысячи. На эти деньги здесь можно было купить разве что пару висюлек на ниточках. Сувениры посерьёзнее стоили от двух с половиной. Так что лавки он миновал очень быстро, и тут снова ожил телефон:

«Ну, что там на выставке?»

«Фигня какая-то. Олени прикольные, а ещё самоедские собаки. Как раз мимо иду. Смешные, улыбаются».

«Кто улыбается? Олени?))»

«И собаки, и олени. А ещё тут комары. Несколько лавок с сувенирами. И снова комары».

«А кроме комаров?»

«Игры детские. Бегать, что-то кидать на тарзан ¹ вроде».

«Странное название! Больше ничего?»

«Опять комары. Капец как много комаров. Серый комариный туман. Комариная облачность без осадков».

«А чего люди не разбегаются, раз так много?»

«А местные только лениво веточками отмахиваются, как будто их и не грызут».

«Может, у них всю кровь давно выпили, вот они уже комаров и не боятся».

«А бывают северные вампиры?»

«Ты мне скажи)))»

«Ладно, я дальше пойду. Пока ходишь, они не столько кусают, сколько в глаза лезут. А как встал – хана!»

Данил миновал ещё один короткий ряд прилавок. За ними чуть вглубь парка стоял высокий бело-коричневый чум. Как на картинке – меховой шалаш с торчащими сверху верхушками жердей.

– А вот это уже интересно! – пробормотал Данил и подошёл ближе.

Посмотрел по сторонам и шагнул в чум.

Внутри было темновато и довольно тесно. Почти сразу Данил упёрся в небольшую буржуйку, стоящую в центре. Рядом с печкой, прямо на полу, сложив ноги по-турецки, сидел смуглый парень. По правую сторону от него стояла низкая скамейка. За буржуйкой над небольшим эмалированным чайником колдовала женщина в красном выцветшем платье, расшитом красно-белыми узорами. Из-под потолка она снимала пучки трав, отламывала от них несколько стебельков и кидала их в чайник, то и дело приносясь к аромату варева. Наконец она заметила вошедшего и улыбнулась.

– Заходите, молодой человек! Будете чай на травах? – приветливо предложила она.

– Спасибо, я попробую, – из вежливости ответил Данил, сел на скамейку и продолжил осматриваться.

Каркас из серых потёртых от долгого использования жердей напоминал рёбра неведомого доисторического зверя. Меховые стены изнутри не выглядели такими светлыми, как снаружи. Тёмные, почти чёрные – может, от копоти, а может, с этой стороны использовали мех попроще. Пол оказался дощатым, сквозь щели проглядывал вездесущий песок. Местами на доски был

¹ Данил ослышался, в игре нужно было кидать тынзян на хорей (тынзян – аркан, хорей – стоящий на земле шест для управления оленями). – *Здесь и далее примеч. авторов.*

положен истрёпанный по краям линолеум. Слева у стены лежало несколько матрасов, заваленных оленьими шкурами.

Пахло на удивление приятно. Костром, деревом и травами. Женщина вручила Данилу большую эмалированную кружку. Отец почему-то называл такие солдатскими. Данил отхлебнул ароматное варево, и только вежливость не дала сразу выплюнуть его на пол. Напиток был обжигающим, почти кипящим. Из глаз потекли слёзы. Данил смахнул их и, сложив губы трубочкой, начал набирать воздух, пытаясь отдышаться и остудить кипятком во рту. В это время в чум ввалился мужчина. Данил видел его за одним из прилавок по соседству.

– Эй, малой, – сказал мужчина парню у буржуйки. – Дай-ка огоньку!

Тот оглянулся и кивнул:

– Сейчас, дядь Серёж.

С этими словами он открыл заслонку, сунул руку в огонь и достал крупный рдеющий оранжевыми всполохами уголёк. Данил буквально открыл рот, не замечая, как по обожжённым губам вытекает так и не проглоченный травяной чай. А мужчина, ничуть не удивляясь, достал из кармана большую зелёную спираль от комаров. Ткнул краешек спирали в уголёк. Подул, чтобы разгорелось, поблагодарил и вышел, приговаривая: «Что-то гнус совсем одолел». Парень как ни в чём не бывало закинул уголёк в печку, отряхнул ладони – без единого пятнышка ожога – и прикрыл заслонку.

Данил не очень запомнил, как выбрался из чума. Вроде как поставил кружку на лавку и пятился до самого выхода, не поворачиваясь спиной к странным обитателям. Оказавшись под солнцем, он отошёл на десяток шагов и, совершенно ошалевший, остановился у большого плоского камня, на котором были разложены очередные сувениры. Пожилая торговка поначалу не обратила внимания. Потом подождала вопросов, но их не последовало, и она окликнула Данила сама:

– Здравствуй, мальчик. А я тебя почему-то не знаю.

Данил тряхнул головой, отказываясь верить в то, что видел пятью минутами ранее в чуме, и поднял глаза на женщину:

– Здравствуйте. А вы местная? Мы недавно приехали, вот и не знаете.

Женщина неодобрительно поцокала языком.

– Я про всех ребяток знаю, а про тебя – нет, не помню, наверное. Меня зовут хадако Яна. Бабушка Яна, по-вашенски. А тебя?

– Данил.

– Ну, вот и познакомились, Данил. – Глаза бабушки Яны смотрели лукаво. – Что ты тут ищешь? Подарок?

– Подарок вроде ищу, да.

– Ну нет, – задумчиво проворчала бабушка Яна. – Мне думается, не подарок ты ищешь, нет, не оберег и не...

– Да ничего я не ищу! – внезапно прорвало Данила. – Никто мне не верит. Родители не понимают, словно на разных языках говорим.

Он и сам не понял, отчего решил пооткровенничать с посторонним человеком.

– Вот это похоже на правду. Ты не можешь найти общий язык. – Старуха кивнула. – Но тут нет ничего сложного. Это же просто звуки. Один издаёт, второй слушает. Вся беда в том, что не слушаете вы друг друга. Оттого и языки у вас разные. А подобрать тебе что-нибудь я могу.

– Да что-то дорого стоит тут всё. У меня только... – Он достал из кармана куртки деньги. К одной из купюр прилипла медная бляшка. Та самая, что оторвалась от пояса речной девчонки.

От неожиданности Данил вздрогнул. Он и думать забыл об этих блестяшках и уж тем более о том, как положил одну из них в карман.

– А это откуда у тебя? – прищурилась бабушка Яна.
– С речки, девчонка одна дала, – пожал плечами Данил.
– Ах, проказница-девчонка. Так и дала?
– Ну, я её схватил за пояс, а они в руке и остались.
– Не хотела бы – не остались бы, – покачала головой бабушка Яна. – А давай я её, монетку эту, сменяю.

– На что?
– Ну, ты же хотел сувенир? Вот тебе и сувенир будет, да и услышат тебя. Хотят или нет, всё равно услышат.

Она достала коробочку. Странную, старую на вид, из потёртого тёмного дерева. Волокна верёвками проступали на поверхности, словно материалу сравнялся не один десяток лет. На коробочке был вырезан силуэт. Настолько упрощённый, примитивный, что в нём еле угадывался человек.

– Обмен? – спросила бабушка Яна.

– Обмен, – согласился Данил.

Он протянул монетку бабушке и взял у неё коробочку. В ней лежал странный инструмент – деревянная петля со вставленной в неё изогнутой металлической полоской.

– Это... – начала старушка.

– Варган! ² – вспомнил Данил ускользящее слово. Где-то на музыке им показывали подобные. Или по телику, или в интернете – да неважно на самом деле.

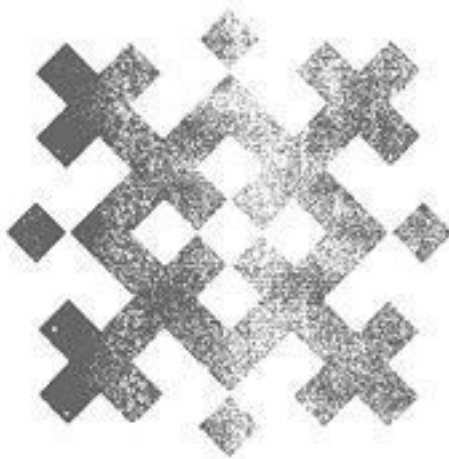
– В наших краях его зовут иначе – пынкыр ³.

Данил вытащил инструмент, покрутил его в руках, вставил усики петли в рот и нажал на язычок.

Низкое гудение разлилось вокруг, словно влетел рой рассерженных пчёл. Кажется, даже вездесущие комары отлетели подальше, испугавшись звука. Люди заозирались, ища, кто это играет.

Бабушка недовольно цыкнула на Данила – мол, иди уже, не порть мне торговлю!

Данил спрятал пынкыр в коробочку, сунул её в карман и пошёл к выходу.

² Музыкальный инструмент в виде свободно колеблющегося в проёме рамки язычка, приводимого в движение пальцем.

³ Варган называют пынкыром на селькупском языке. Бабушка Яна использует ненецкое слово «хадако» и селькупское «пынкыр» – авторы не запутались, а намеренно хотели показать смешение языков и культур на одной территории.

**Глава 2,
в которой выясняется, кто такие варяги и какая
рыба водится в ямальских реках, а также какова
польза ватрушек в деле межвидовых коммуникаций**

– И что ты предлагаешь? Отправить тебя обратно в Саратов? – Мама скрестила руки на груди и смотрела исподлобья колючими голубыми глазами. Точно такими же, как у самого Данила.

– Да! – выкрикнул Данил – как в воду с обрыва бросился. – Я мог бы жить у бабушки! Оттуда до школы автобусом полчаса! А не... вот это всё!

Он широким жестом указал на выцветшие обои и тяжеловесную мебельную стенку откуда-то из прошлого века. Да, родители говорили, что собираются делать ремонт, но это будет потом. А бесило всё уже сейчас.

– А бабушку ты спросил?! – воскликнула мама, её глаза блестели то ли от ярости, то ли от слёз. – Хочет ли она с тобой жить?

– А вы меня спросили, хочу ли я сюда ехать?! – Голос у Данила сорвался, он закашлялся.

Залаял Зулус. Доберман терпеть не мог их ссор – не знал, кого бросаться защищать. То ли младшего хозяина, товарища по играм и прогулкам. То ли хозяйку, у которой всегда найдётся для него вкусняшка.

– Угомони собаку! И сам угомонись! – выкрикнула мама.

Она упала в кресло, закрыла лицо руками, сжалась в сердитый комок. Глухо выговорила куда-то себе в ладони:

– Ты всё ещё думаешь, одному тебе тяжело? Выйди лучше с собакой. Видишь, Зу психует. Ему надо проветриться. И тебе. Ну? Иди!

Данилу хотелось подойти, обнять её, как в детстве, когда они ссорились из-за невыученных вовремя уроков или порванных джинсов. Разжать мамины пальцы, посмотреть ей в глаза и увидеть, как в них блестят слёзы. Сначала злые и ледяные, а потом горячие, которые щекоотно капают на лоб, если прижаться крепко-крепко.

Вот только ему уже не семь лет, а в два раза больше. Злой ответ шершавым комком застревал в горле, но Данил так ничего и не сказал. Просто взял Зулуса за ошейник и вышел в коридор. Снял поводок, висящий на вешалке слева от двери. Раньше здесь была дурацкая картина с озером и лодкой, но она упала в день переезда, задетая чехлом с лыжами. Рама раскололась, отец обещал починить потом. Картину засунули куда-то до лучших времён и забыли.

Пёс притих, чувствуя настроение хозяина, и стоял смиренно, пока тот пристёгивал поводок. Данил сунул ноги в кроссовки, надел куртку. На пороге квартиры столкнулись с отцом – тот нёс в обеих руках огромные пластиковые сумки с продуктами.

– Гулять? – рассеянно спросил он. Мысли его явно витали где-то далеко.

Данил пробормотал что-то невнятное, что могло означать как «да, иду гулять с Зулусом», так и «да пошли вы все куда подальше!», и захлопнул за собой дверь. В подъезде пахло сырой штукатуркой и тушёной капустой. Данил быстро сбежал по ступенькам со второго этажа, придерживая Зулуса за ошейник и намотав поводок на кулак. На улице он остановился и какое-то время просто стоял, отпустив поводок на максимум, пока доберман обнюхивал кусты. По небу над головой медленно ползли курчавые облака.

Данил сообразил, что в упор смотрит на табличку на стене дома. До этого он даже не задумывался, какой у них новый адрес. Стало быть, Тарко-Сале, улица Республики, дом девятнадцать. Чужое. Всё чужое – и название города, и запахи, и этот песок, который везде, и...

– Гулять, Зу!

Будь они дома, Данил отпустил бы пса побегать. В родном районе он давным-давно знал все дворы и закоулки, всех вредных соседей, всех больных на голову собачников и их безбашенных псов, которых лучше обходить по широкой дуге. Здесь всё было не так. Вдруг тут штрафуют за собак без намордников?

Они вышли из двора на улицу Республики – по бетонным плитам, мимо ряда гаражей из белого кирпича. Прямо напротив дома простирался широкий сквер с закованными в серый камень газонами. Слева от сквера высилось жёлтое здание с тремя флагами на крыше. Данил побрёл вдоль улицы, стараясь не отпускать от себя Зулуса слишком далеко и поглядывая по сторонам. Вот цветочные клумбы в виде каменных голов с острова Пасхи. Высокое крыльцо под тёмно-красным козырьком, бегущая светодиодная строка над дверью. Взгляд Данила выхватывал детали, но они не задерживались в голове. С чего он вдруг стал таким рассеянным?

Рука нащупала в кармане джинсов что-то деревянное и продолговатое. Данил нахмурился. Что бы это могло быть? Он достал неизвестный предмет и даже остановился. Зулус дёрнул поводок и оглянулся на хозяина. На ладони Данила лежала коробочка, а в ней – варган.

«Пынкыр!» – толкнулось в голове странное слово, округлое, как обкатанный рекой валун.

– Как я мог о нём забыть?! – спросил Данил вслух. Зу неуверенно твякнул. Хорошо ещё, что поблизости не было прохожих, только проехали одна за другой пара машин.

Память в один миг стала чёткой и острой. Будто бы его, Данила, сонного макнули в холодную воду июньского Пура. Девушка на бревне! Кальеву! Которую не видел никто из местных, а он, Данил, видел. Он ведь и не вспоминал о ней, например, вчера. Хотя как можно было забыть про неё? И про варган, который он выменял на ярмарке... знать бы, на что! На монетку с костюма Кальеву или как это лучше назвать? На подвеску?

«Что там бабушка Яна говорила... это чтобы меня слышали?»

Но мысль как будто сразу заволочло туманом. Надо прогуляться с собакой ещё минут пятнадцать, потом пойти помочь с разборкой оставшихся вещей и помириться с мамой. Конечно, ей тоже тяжело. Она же любила свою работу там, дома. И бабушка в Саратове осталась, и подруги. В мыслях медленно вырисовывался другой образ: Катя. Интересно, как она там?

Взгляд Данила упёрся в варган.

«Пынкыр!» – упрямо повторил в голове голос, похожий на голос бабули с ярмарки. Данилу даже почудилась сердитая интонация, будто «пынкыр» обозначало что-то вроде: «А ну-ка, вспомни, дырявые твои мозги!»

Оказывается, Данил так и стоял посреди улицы, как истукан. Зулус уже тревожно крутился около хозяина, заглядывая в лицо.

«Кальеву», – мысленно повторил Данил и попытался представить девушку как можно ярче. Вспомнились капюшон с мехом, красно-белая вышивка, монетки на поясе и какие холодные у Кальеву пальцы. А вот лицо не хотело вспоминаться никак.

«Я должен снова её найти, – решил Данил. – Прямо сейчас пойду и найду. Она меня услышит и поймёт, с этим пынкыром. Вот только оставлю Зулуса дома. Он её спугнёт. Или она – его?»

Откуда в голове взялась мысль, что пынкыр поможет поговорить с таинственной девчонкой? Данил не смог бы ответить. Решение казалось простым и верным. Зачем тянуть, надо пойти и проверить пынкыр в деле.

Зулус не одобрил быстрого возвращения домой – он-то уже успел настроиться на долгую прогулку. С собакой затеряться на часик-другой было бы, конечно, проще, но Данил придумал причину ничуть не хуже. Через несколько минут он вышел обратно на улицу с пакетом, в котором лежал свитер рыбака. Хорошо, что отец догадался записать адрес спасителя. Кажется, они с мамой даже предлагали какую-то денежную благодарность, но рыбак ни в какую не согласился. Судя по аромату, мама положила в пакет ещё и ватрушек с изюмом.

Рыбака звали Ильдар, и это имя было запомнить куда проще, чем Кальеву. Данилу пришлось нести варган (пынкыр!) в кулаке и постоянно повторять про себя имя девушки, иначе мысли норовили убежать куда угодно в сторону от похода на реку. Свитер рыбаку он тоже занесёт, но на обратном пути. Данил сверился с картой в телефоне. Нужно пересечь сквер напротив дома, пройти по улице Труда, а там по одному из безымянных переулков добраться до реки.

Ледяной ветер толкнул его в грудь, будто намекал: не ходи. Небо вдруг стало казаться низким и серым. Порыв ветра снова толкнул Данила, теперь в плечо. И ещё раз, откуда-то сбоку. Данил обернулся. Он как раз собрался перейти через дорогу к скверу, но в той стороне не было даже машин. Только вдалеке мелькали силуэты прохожих. Толчок в грудь повторился. Запахло стылой речной водой и прелой прошлогодней травой.

«Таким меня не напугаешь», – криво усмехнулся Данил. Подумаешь, ветер гуляет в городских кварталах. Он пересёк дорогу и вошёл в сквер. По спине пробежал противный холодок. Трава, бурая с робкими вкраплениями зелени, колыхалась. Вот по газону пробежал волнистый след, как будто проползла невидимая змея. В лицо хлестнуло мелким песком, Данил заслонил лицо рукой, пытаясь проморгаться.

«А бабушку ты спросил? Хочет ли она с тобой жить? – вспомнился ни с того ни с сего мамин сердитый голос, а другой, чужой, шептал в уши эхом: – А Кальеву ты спросил? Хочет ли она с тобой встречаться?»

– Эй!

От неожиданности Данил выронил варган и тут же присел, шаря рукой по песку. На мгновение почудилось, что инструмент пытается вывернуться из пальцев и шмыгнуть в траву. Но Данил схватил его, крепко сжал коробочку в кулаке, встал и только тогда обернулся.

Конечно же, это была не Кальеву. Просто какая-то девчонка примерно его возраста, с тёмными волосами до плеч, в синих джинсах, чёрной толстовке и ярко-оранжевой жилетке с капюшоном.

– Ты кто? – бесцеремонно спросила она, оглядев Данила с ног до головы.

– А сама ты кто, чтобы спрашивать? – не остался в долгу Данил.

Девушка криво усмехнулась и присела в шутовском реверансе.

– Соня Большакова. – Она протянула Данилу руку. Сказано это было таким тоном, будто любой в Тарко-Сале тут же хлопнул бы себя по лбу: а, это же та самая Соня Большакова, как же я не догадался?

Данил не спешил с ответным жестом. Он убрал коробочку в карман (холодная, зараза, даром что из дерева!) и только тогда пожал тонкие тёплые Сонины пальцы.

– Данил Ошев, – нехотя сказал он.

– Недавно переехал? – прищурилась Соня.

– А ты откуда знаешь? – удивился Данил.

Соня закатила глаза.

– Проживи тут, как я, лет пять, тоже научишься с первого взгляда варягов вычислять.

– Варягов? – не понял Данил.

– Так зовут приезжих, – махнула рукой Соня.

Данилу вдруг захотелось наорать на неё. Просто слить на едва знакомую девчонку всё, что он думает и про этот чёртов город, и про варягов, и про всяких Сонь Большаковых, которые лезут с тупыми вопросами. Он сунул руку в карман, стиснул пынкыр в кулаке. Подействовало как холодный душ, и орать расхотелось. Удобно!

– А в какой ты школе? – спросил Данил первое, что подвернулось на язык. Потому что, оказывается, он уже открыл рот и набрал в грудь воздуха.

Сам Данил понятия не имел пока, в какую школу родители подали его документы. Впереди были почти все каникулы, и мысли о новом классе хотелось пока запихнуть куда-нибудь подальше. Как ту картину в сломанной рамке.

– В первой... – Соня явно не ожидала этого вопроса. Она вдруг опять прищурилась и обошла вокруг Данила. Тот успел подумать, что, если бы проводили конкурс на самое скоростное выбешивание собеседника, Соня точно взяла бы первый приз.

– погоди, ты и есть тот мамонтёнок, что ли? – спросила Соня, оглядывая Данила как в первый раз.

– В смысле?

– В смысле тот парень, который по Пуру на бревне плавал. – Соня наставила на него указательный палец. – Точно, ты!

Ощущение, что сейчас взорвёшься, опять накатило волной. Данил едва сдержался, чтобы не наорать на Соню или просто не развернуться и уйти, не опускаясь до крика.

«Зашибись у меня репутация на новом месте», – мрачно подумал Данил, а вслух сказал:

– Ну, допустим, я. И что?

Сонино лицо озарилось довольной улыбкой, и через мгновение её рука уже цапнула Данила под локоть.

– А ну-ка, пойдём! – скомандовала Соня.

Данил одним движением стряхнул её руку.

– Куда это? – мрачно уточнил он.

– Эксклюзивный контент сам себя не запилит. – Голос Сони сделался сладким, как цветочный мёд. – Дашь мне интервью, напою тебя кофе. Пошли, тут недалеко. Да не красней ты! Я угощаю!

Коробочка с пынқыром, сжатая в кулаке, на этот раз не помогла. Нет, Данил не стал кричать. Наоборот, прошипел – тихо и зло:

– Знаешь что, Соня Большакова, я тебе не ручная обезьянка, чтобы снимать видосики и отвечать на вопросы. Пошла ты... Направление показать или сама найдёшь?

Не дожидаясь ответа, он развернулся и зашагал прочь.

Опомнился Данил уже на берегу реки, ноги гудели от усталости. Он точно знал, что не проверял маршрут по карте, да и вообще не помнил, что брал в руки телефон. Улицы? Дома? Повороты? Этого не осталось в памяти даже смутно. Как будто он отвернулся от Сони и просто шагнул на берег, вдохнул запах дыма от костра и большой воды, остановился. Засунул руку в карман.

Варгана – то есть, чтоб его, пынқыра! – там не было.

В голове бегущей строкой замелькали мысли: я вижу то, чего нет, у меня провалы в памяти, я сошёл с ума, нет, нет, пожалуйста, я нормальный...

В этот поток мыслей на полном ходу врезался чужой голос:

– Да отстань, Яна! Я на рыбалке. Законный день отдыха, ну?

И уже тише, себе под нос:

– Ну и хась с ним, что не ловится, домой теперь ехать, что ли?

Голос показался Данилу знакомым. Да ведь это тот самый рыбак! Как его там... Ильдар! Тот, чей свитер лежит у Данила в пакете вместе с ватрушками. На грани слышимости звякнул, как льдинка, чей-то смешок. Ты же собирался отдать спасителю его свитер? Ну так отдавай!

Данил кашлянул. Рыбак резко развернулся, пряча телефон в карман.

– Мамонтёнок, опять ты? – искренне удивился он, отряхивая ладони об штанины.

Протянул руку, и Данил пожал её.

– Ну, будем, наконец, знакомы. Ильдар.

– Данил.

– А пёс твой где?

– Дома.

Повисла неловкая пауза.

– Я вам вернуть хотел. Вот. – Данил протянул Ильдару пакет. – Спасибо. За свитер, ну и вообще...

Ильдар только рукой махнул, взял пакет и положил на землю, к видавшей виды спортивной сумке.

– Чай будешь?

– Буду. Там ватрушки в пакете, мамины. Вкусные.

– Это хорошо, это спасибо! – искренне порадовался Ильдар. – А то у меня сушки одни. Садись давай, вон то бревно плотно в земле увязло и точно никуда не уплывёт.

Данил чувствовал себя неловко, хотелось просто попрощаться и уйти. Но не обижать же недавнего спасителя, да и густой сладкий чай на зябком ветру с реки был бы сейчас очень кстати. Опять же, неплохо поговорить с нормальным человеком, а не с исчезающей девушкой и не с приставучей Соней. Может, в голове прояснится.

«Я нормальный, – твёрдо сказал себе Данил. – Нормальный, и точка!»

– Не клюёт, ты представляешь? – тем временем говорил Ильдар, чем-то звякая в сумке. – Я ж на том месте, где тебя вытащил, всегда мохтика ⁴ ловил. А с того раза как отрезало, я уже и сюда перебрался, а тут то же самое. Ты же сам с Саратова, да? Как там с рыбалкой у вас?

Рыбак налил из котелка в кружку густого пахучего чая, протянул Данилу. Тот поблагодарил, взял кружку и вдохнул знакомый запах. Тут же накатило: вспомнились ярко и отчётливо лицо Кальеву, и перехватывающий дыхание холод воды, и лай Зулуса на берегу. Данил встряхнулся и попытался поймать нить разговора.

– Ну, на Волгу, само собой, куда-нибудь на пруды... Клещёвский, Гагаринский, – припомнил он слова друзей, которые зазывали на рыбалку. – На малые реки ещё по области, но точно не знаю. Я сам не фанат.

И Данил осторожно прихлебнул горячий чай, потому что поддержать разговор о рыбалке не мог. Он мало что понимал в рыбной ловле, не чувствовал азарта. А тусоваться с друзьями лучше всего без удочек и поближе к дому.

Ильдар тем временем что-то говорил о том, какая рыба ловится в Пуре. Данил пил чай и кивал, сидя на поваленном дереве и уткнув локти в колени. От ватрушки он отказался, и Ильдар выдал ему горсть сушек. Твёрдых, как камень, и солоноватых. Данил макал их в чай и откусывал. И всё-таки в этом что-то было – в посиделках у костра на берегу реки, с чаем и сушками. Главное, что не надо ловить никакую рыбу и получать потом нагоняй от мамы – «сам притащил, сам и готовь!»

– Я вот что думаю, парень, – на полуслове оборвал сам себя Ильдар. – Неспроста это всё.

– М-м? – промычал Данил, дожёвывая очередную сушку.

– Ну, что рыба, зараза, больше не клюёт. И девушка эта твоя, которой не было.

Данила как подбросило. Он расплескал чай, чудом не на колени.

– В смысле?

Ильдар вздохнул, задумчиво откусил ватрушку, глядя куда-то вверх по течению реки.

– Местные говорят, тут кто только не водится, – наконец неуверенно сказал он.

– Ну да, вы сами говорили – мохтик... и этот, как его... щёкур ⁵.

Ильдар махнул на него рукой, хмурясь.

– Да я не про то! – Он понизил голос до шёпота. – Сказки здешние читал? А, да, ты ж варяг...

Данил чертыхнулся про себя – и этот туда же! Мамонтёнок, варяг... Но послать рыбака куда подальше, как Соню, было нельзя. Спаситель всё-таки, чаем вот снова напоил.

– Я сам-то с Челнов, но поживёшь здесь с моё, ещё не в такое поверишь. Я же тогда, когда тебя вытаскивал и МЧС вызывал, не подумал даже в ту сторону. Решил, что пацан крышей поехал от испуга. А сейчас снова тебя увидел, вспомнил, и вот что думаю: девушка была. Кто-то из местных духов заморочил тебе голову. А на меня обиделся, что я тебя вытащил. Как будто добычу отобрал, понимаешь? Вот и рыба у меня больше не клюёт.

Данил напрягся, оглянулся на реку. А ну как этот мужик сейчас его кинет в воду? Вернёт духам их добычу, чтобы у него снова клевало?

«Да что за бред лезет в голову! – одёрнул себя Данил. – Он же не какой-нибудь поехавший фанатик!»

Чай остыл немного, но стал как будто ещё вкуснее. Данил сделал несколько глотков, раздумывая, как лучше ответить. Нет, посвящать Ильдара в свои приключения с монетками и варганом он не собирался. Тем более что и варган – да, да, пынкыр! – исчез. Но раз этот рыбак верит в такие штуки, почему бы не попробовать выпросить побольше?

⁴ Рыба семейства карповых.

⁵ Щёкур, или чир – рыба из рода сигов.

– Я её точно видел, девушку, – наконец сказал Данил. – Даже немного с ней поговорил. А потом ваша блесна впиалась ей в руку, мы упали в воду, и она исчезла.

– И правда, стало быть, обиделась, – кивнул Ильдар. – Буду узнавать, как теперь задобрить.

Он достал из пакета ватрушку, размахнулся и кинул её в реку.

– Может, вот это поможет, как думаешь?

У Данила мелькнула мысль, что лучше бы он пошёл пить кофе с Соней и давать ей чёртово интервью про плаванье на бревне. Пока он думал о всяких потусторонних штуках наедине с самим собой, всё казалось ужасно интересным. Но вот сидеть и обсуждать на полном серьёзе с едва знакомым взрослым, как задобрить речных духов, – это было как-то слишком.

– Наверняка поможет, – ответил Данил, чтобы хоть что-то сказать. – А есть у вас тут специалисты по местным сказкам? В Интернете попробуй ещё разгребти, где правда, а где кто-то от балды сочинил.

– Сходи в краеведческий музей, – посоветовал Ильдар. – Я там сто лет не был, но, может, что-нибудь подскажут.

«Или на ярмарку, – подумал Данил. – Хотя там я уже был... Куда же делся этот проклятый пынкыр? Я что, выронил его по дороге и не заметил? Я, правда, и дорогу-то сюда не заметил! Может, бабушка Яна – тоже дух и заморочила мне голову? Сидят они сейчас с Кальеву, едят напополам ватрушку от Ильдара и ржут над нами!»

Данил решительно встал, встряхнул головой. Нет, так можно досидеться и додуматься до Ктулху, который вылезает из Пура!

– Спасибо ещё раз, – сказал он. – Надеюсь, рыбацья удача к вам вернётся.

Ильдар отсалютовал ему кружкой.

– Ну, ты если увидишь опять ту девушку, замолви за меня словечко, – усмехнулся он.

– Угу, обязательно, – буркнул Данил. Он и сам не знал уже, обрадуется ли новой встрече с Кальеву.

Совет сходить в музей Данил решил оставить на потом. Сейчас нужно было... нет, не попытаться найти Кальеву. Раз пынкыр пропал неведь куда, смысл её искать? Они всё равно не смогут поговорить, даже если ему тогда не померещилось. Волной накатила обида. Как будто его обманули, поманили загадками, а потом оставили у разбитого корыта.

От версии, что варган просто выпал из кармана по дороге, Данил просто отмахнулся.

Больше всего Данилу хотелось сейчас закрыться ото всех в своей комнате. Только не в той новой, откуда видны сквер и здание с тремя флагами. А дома, в Саратове, где на стене висела огромная магнитная доска с фотками, стикерами, школьными грамотами и прочей очень нужной ерундой. Где за окном росла высоченная берёза, на которой вечно тусовались синицы. Данил мог минут по десять залипнуть на них, когда делал домашку.

В носу защипало. Данил сердито шмыгнул носом и открыл приложение с картами на телефоне. Мысль о том, что к реке его привели безо всяких карт, запускала караван мурашек вниз по позвоночнику. Данил решил не думать об этом. Он вбил адрес, посмотрел путь до следующего поворота и хотел погасить экран смартфона, но мелькнувший снизу рекламный блок привлёк его внимание. На тёмно-синем фоне с бирюзовыми проблесками северного сияния белели буквы: «Сказки Крайнего Севера».

Что-то заставило Данила ткнуть на рекламу. По ссылке обнаружился сборник аудиосказок. Мурашки вернулись, Данил достал чехол с наушниками, воткнул один в левое ухо и нажал на воспроизведение.

«Ненецкая сказка, – хорошо поставленным голосом проговорил чтец. – „Три брата“».

Увы, в этой сказке не говорилось ничего ни про озорных речных духов, которые катают неосторожных путников на бревне, ни про рыбаков, оставшихся без улова. Это была просто история о том, как младший брат оказался мудрее двух старших. Так часто случается в сказках.

Он не стал выкидывать испечённые матерью лепёшки, даже когда они зачерствели. И благодаря этому нашёл силы вычерпать из колодца звёзды, получил полцарства и царевну в жёны. Точнее, стойбища и стада оленей, в полном соответствии с местным колоритом. Что же, осталось только попросить маму снова напечь ватрушек, засушить их и съесть.

Данил почти не удивился, когда на обратном пути присмотрелся к табличке у крыльца в соседнем доме, там, где мерцала бегущая строка над входной дверью. И обнаружил, что это и был тот самый Пуровский историко-краеведческий музей, сходить в который ему посоветовал Ильдар.

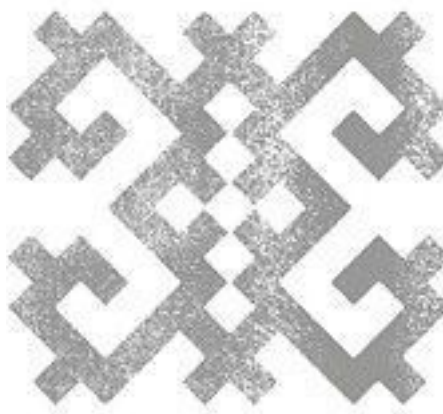
– Ватрушку будешь, чудо моё? – этими словами мама встретила Данила у порога. Её голубые глаза теперь были тёплыми, как ясное летнее небо. – Или булочку с изюмом?

Зулус тоже был тут как тут, радостно обнюхивал Данила. Наверняка уже выпросил у хозяйки булочку, которые ему вообще-то нельзя. Но если очень просить и крутиться под ногами, то иногда можно. Самую маленькую, с огромной изюминой в самом центре.

«Меня уже чаем с сушками напоили», – мог бы хмуро ответить Данил и продолжить недавнюю ссору. Но недавняя сказка всё ещё эхом звенела в ушах. Ему не нужны были стойбища с оленями и вычерпанные из колодца звёзды.

– Конечно, буду, переоденусь только, – искренне улыбнулся он. Ему показалось или в маминых глазах блеснули слёзы? – Зу, тихо, ты наверняка своё уже выпросил! А мы ещё не развели, где тут ветеринар!

Данил быстро ополоснул руки в ванной и зашёл в свою комнату, где пока сиротливо стояли его компьютерный стол со стулом, диван и напольная вешалка. Да ещё они с папой успели повесить над диваном книжную полку. Потянулся к спинке стула за домашними штанами и замер. На тёмной столешнице рядом с ноутбуком лежала знакомая деревянная коробочка.

Глава 3, в которой не всё можно увидеть глазами, зато есть шанс познакомиться с подземными оленями и посетить Пуровский краеведческий музей

«Прикинь, что тут у меня творится!» – первым порывом Данила было написать это Косте в мессенджер. Вот только он даже не начал набирать сообщение. Отвёл взгляд от экрана, покопился на пынкыр – не исчезнет ли опять? – и убрал телефон обратно в карман.

Как объяснить другу всё, что произошло за последнее время?

Это надо было начинать с Кальеву и поездки на бревне и рассказывать про все странности, которые заметил в городе. Про ярмарку, угольки и бабушку Яну, а уже потом – про исчезающий и появляющийся пынкыр. Ну и что Костя ему на всё это ответит? Данил напряг воображение. «Тебя там ядовитые комары покусали? Бредишь, что ли?»

Да, при таком раскладе и рассказывать не стоит. Может, родителям? Данил напряг воображение ещё раз. Разговор нарисовался во всех подробностях.

«Мам, пап, мне тут странная бабуля дала вот эту штуку, называется пынкыр. Ну да, варган, только пынкыр. Нет, денег не взяла, взяла монетку с пояса той девушки, в которую вы так и не поверили. В смысле померяй температуру? Как бабуля выглядела? Да не опасная это штука! Не отдам! Как не выходить из дома? Не надо никакую скорую!»

Данил вздохнул. По всему выходило, что поделиться всем тем, что его тревожило, было и не с кем.

«Разве что этой Соне Большаковой дать интервью и прославиться раз и навсегда как местный дурачок», – невесело усмехнулся Данил и снова достал телефон.

Группу про новости Тарко-Сале, которую вела Соня, он нашёл быстро. Похоже, девчонка себя считала крутой журналисткой – на обложке каждого видео красовалась с профессиональным микрофоном. Вот и репортаж с ярмарки. Данил решил посмотреть видео.

«Тарко-салинцам и гостям города привет! С вами Большакова София, и сегодня я, репортёр вашего любимого канала „Северное Междуречье“, и мой бессменный оператор Максим находимся на традиционном июньском мероприятии...»

Данил и сам не понимал, зачем зашёл в группу этой Сони и смотрит видео с ярмарки, где сам побывал. Надеялся увидеть себя в кадре? Нет, не то. Ему интересна Соня Большакова? Ну, может, она и симпатичная... для кого-то. От таких лучше держаться подальше!

И всё же он смотрел. В груди толкалось странное чувство – предвкушение пополам со страхом. Вот знакомая троица оленей с меховыми рогами что-то лениво пережёвывает у самого

входа на ярмарку. Соня по-хозяйски потрепала одного из них по морде, не прекращая болтать в микрофон. Вот она остановилась, рассказала про детские игры, дала что-то сказать в микрофон одному из аниматоров. Потом пошла вдоль прилавков – кадр сменился, и теперь вместо Сони зрители видели сувениры, а голос тараторил за кадром.

«...как отличный подарок друзьям с земли...»

«Почему с земли? Что за ерунда», – подумал Данил. А видео шло дальше: ещё прилавки и, наконец, тот чум с огнеупорными людьми. Которые запросто пьют кипяток и хватают горячие угли из печи. А вот и камень с сувенирами, около которого стояла хадако Яна. Палец Данила дёрнулся, мазнув по экрану, и видео зависло на паузе.

Никакой бабушки с сувенирами около камня не наблюдалось. Можно было бы подумать, что она пришла позже, чем Соня устроила свой репортаж. Вот только на видео Данил увидел самого себя. Он сидел на том самом плоском камне и с кем-то разговаривал, уставившись в пустоту. Соня и её оператор не обратили на это никакого внимания – мало ли людей общается по телефону через беспроводную гарнитуру? Данил отмотал видео назад. За голосом Сони, которая рассказывала про новости семьи из чума, он услышал обрывок собственной фразы.

«Да что-то дорого тут...»

Данил перемотал ещё раз. Нет, больше его не было ни видно, ни слышно – Соня со своим микрофоном заслонила его, а потом и вовсе подозвала продавца от ближайшего лотка и стала задавать вопросы. Данил выключил видео и посмотрел на пынкыр.

«Пора сдаваться в психушку», – мелькнула непрошенная мысль.

«Надо показать пынкыр маме, – подумалось следом. – Может, он мне вообще мерещится? Может, меня укусил злобный комар – переносчик опасной болезни и у меня мозг воспалился? Галлюцинации? Разговариваю с воображаемыми людьми, таскаю с собой воображаемый варган... И слово „пынкыр“ я сам придумал!»

Интернет успокоил: нет, не придумал. Теперь показать маме, чтобы понять, действительно ли этот пынкыр ему не мерещится? Вот только как понять, что тебе не мерещится и сам разговор с мамой? После видео Сони Данилу от этой мысли становилось не по себе. Кто же такая эта хадако Яна?

Или всё-таки пора сдаваться дядькам в белых халатах?

Данил взял со стола коробочку с пынкыром, вынул инструмент, зажал его губами и тронул металлический язычок. Пынкыр запел низко и глубоко, будто бы куда-то внутрь головы.

– Дань, что там у тебя за звук? – тут же окликнула мама из кухни.

Данил положил пынкыр обратно и отозвался:

– Да ничего, видео смотрю.

Отлично, значит, ему не мерещатся эта штука и звук, который она издаёт!

– Приходи на кухню помогать! – позвала мама.

Данил был только рад отвлечься от всех этих странностей. Мама убрала посуду после приготовления булочек, и они вместе стали разбирать оставшуюся в коробках после переезда кухонную утварь. Протирали, расставляли в кухонных шкафчиках и на полках – монотонный, успокаивающий труд. Зулус дремал в коридоре на своей лежанке. Время от времени он поднимал голову, поглядывал, как дела у хозяев, и укладывался обратно.

– У меня завтра будет собеседование! – выдала новость мама, когда они принялись за работу. – Ты, кстати, знал, что у нас в соседнем доме – местный краеведческий музей? Удачно мы поселились, правда?

– Угу. – Данил начал распаковывать коробки с многочисленными кружками, которые маме и папе дарили коллеги и друзья – вся эта чашечная братия ждала больших дружеских чаепитий.

– Так вот, у них там бухгалтер переехала в Тюмень, ищут человека на её место. Я вроде подхожу по навыкам, но нужно поговорить с директором. Знаешь, я на старом месте договори-лась, что мне дадут рекомендации...

Эту часть фразы мама постаралась проговорить как можно быстрее, словно упоминание о жизни в прежнем месте вызывало у неё досаду. Данил, случалось, пропускал все эти рассказы о коллегах мимо ушей, только поддакивал в нужный момент. Но сейчас ему очень нужно было... заземлиться, да, вот правильное слово. Так что он с каким-то даже удовольствием слушал о музее и старой маминой работе. Да что там, он бы не отказался сейчас даже выслушать историю всех тех разномастных кружек, которые только что распаковал! Данил как раз держал в руке одну, на которой была нарисована палатка с подписью: «Нас невозможно сбить с пути, нам по фигу, куда идти!» Эту точно подарили папины коллеги на какой-то не очень давний Новый год.

– Сходим вместе? – предложила мама. – Ты музей посмотришь, пока я говорю с дирек-тором. Говорят, у них тут часто всякие мероприятия проходят, делают тематические выставки.

Будь Данил тем собой, который ещё недавно уезжал из Саратова, он бы сказал что-то вроде: «Мам, ну какой музей? Что там интересного? Резьба по бивню мамонта и костюмы местных? Лучше с Зулусом прогуляюсь!»

Но тот Данил, у которого в кармане лежали монетки с пояса речного духа, а на столе в комнате – пынкыр от загадочной исчезающей бабушки, сказал:

– Музей? Круто! Сходим! Во сколько у тебя собеседование? А то, если опять из-за белой ночи я буду спать как попало, могу и не встать вовремя!

– Договорились на одиннадцать. – Мама сверилась с сообщением в телефоне.

– Нормально, – кивнул Данил. – Зулус всё равно на прогулку меня явно раньше разбудит.

После разбора кухонных мелочей Данил быстро почистил картошку и пошёл к себе в комнату. Мама осталась готовить ужин. Данил открыл на телефоне вкладку с начатой ещё в поезде книгой про демона в маленьком уральском городке, но читать не получалось. Мысли роились, как назойливая мошкара.

Краеведческий музей в соседнем доме. Рыбак Ильдар только что посоветовал отпра-виться туда, узнать про местные легенды и духов. И вот ведь какое совпадение – у них осво-бодилось место как раз по маминой специальности! Появился повод сходить, не откладывая в долгий ящик.

Совпадения и радовали, и настораживали. С одной стороны, всё это напоминало квест. У Кальеву оторви от пояса монетку, с монеткой пойдешь на ярмарку, получи пынкыр. Персо-наж-рыбак в обмен на свитер и ватрушки даст тебе следующее задание: отправиться в музей. Оттуда наверняка ещё куда-нибудь нужно будет пойти. Например, поговорить ещё раз с пер-сонажем Кальеву, уже вооружившись пынкыром.

А с другой...

– Дерьмо, иди сюда на минутку! – прервала его мысли мама.

Кухонный телевизор стоял на столешнице в углу – папа ещё не успел повесить его на кронштейн. Шёл мультфильм про мамонтёнка, который отправился искать маму.

– Помнишь, как ты в детстве любил эту песню? – Мама приобняла Данила за плечи.

– Ну, мам! Мне ж не пять лет! – пробурчал он, выворачиваясь из объятий.

И всё же постоял немного в кухне, вдыхая уютный запах жарящихся котлет и слу-шая песню мамонтёнка. Пусть мама услышит, пусть мама придёт! Мамонтёнок. Соня его так назвала, и рыбак Ильдар тоже. Только бы эта дурацкая история забылась к началу школьного года. Так себе прозвище для новенького!

* * *

Он не так уж часто запоминал сны, а этот запомнил в подробностях. Сон начался как фильм, который смотришь с середины, пытаясь понять, что же происходит в сюжете. Данил стоял посреди сумрачной равнины, и вокруг стелился туман. Туман оплетал ноги, тянулся к коленям. Данилу казалось, что он ощущает ледяные прикосновения сквозь ткань штанов. Он сделал шаг вперёд и с удивлением понял, что смотрит в затылок какому-то парню. Очень знакомому парню.

Себе.

Их стало двое. Один стоял как вкопанный, а вокруг перекачивались туманные валы. В руках он держал пынкыр. Второй шёл вперёд, хотя с каждым шагом туман поднимался всё выше, стылая сырость пронизывала до костей. Холод пополам со страхом обдавал волнами. Больше всего хотелось бежать. Нет, не вперёд, где в тумане виднелись очертания чего-то большого, движущегося Данилу наперерез. Не назад, где второй Данил поднёс к губам пынкыр. Прочь из сна, заползающего серым туманом в душу!

Палец тронул язычок пынкыра. Звук пророкотал в тумане – уверенный, глубокий. И ещё один, и ещё. Туман отхлынул, и стало будто бы чуть светлее. Теперь Данил видел, кто движется ему наперерез. Мамонты. Огромные животные с изогнутыми бивнями. Кажется, на их бивнях что-то металлически позвякивает, но издали не разглядеть что.

Шаг, гул пынкыра, ещё шаг, и ещё, и...

– Не видят тебя. Хочешь остаться целым. Стоишь на месте.

Данил с пынкыром от неожиданности перестал играть. У кого из них за плечом раздался этот голос? Говорил мужчина. Ехидный скрипучий голос звучал тихо и вкрадчиво. Сумрак сгустился, мамонты стали зловещими тенями. Словно силуэты за стеклом, залитым струями дождя. Страх и холод накатили опять, туман спеленал ноги, сердце колотилось в рёбра.

– Хочешь остаться целым. Целуешь дерево, поёшь металлом.

Данил с пынкыром заиграл снова. Второй Данил шагнул вперёд и почти налетел на высокого старика с длинными седыми волосами.

– Я'хора идут. Я'хора не видят. Ты как я'хора.

«Я'хора – это мамонты», – смог понять Данил с пынкыром.

– А вы кто? – смог спросить Данил без пынкыра.

– Можешь называть Ири Харв. Можешь называть просто Ири.

«Как будто стало понятнее», – подумали оба Данила, с пынкыром и без.

В сумраке видно было не очень, но всё же Данил понял, что старик перед ним – худой, даже тощий. Волосы у него спутанные и серые, с вплетёнными обрывками лент. Встреть Данил такого человека в реальности, он бы решил, что тот болен. Или очень устал – от долгой болезни, а может, просто от старости.

– Помощь? – спросил Ири.

Данил без пынкыра замотал головой. Нет, мол, помощь пока не требуется. Мамонты вроде бы проходят мимо, а страх и желание поскорее выкарабкаться из сна пока ещё можно было терпеть.

Данил с пынкыром сообразил быстрее.

– Вы ищете тут помощь? – спросил он, пока протяжное «у-м-м-м» ещё тянулось над сумрачной равниной.

– Сихиртя ⁶ не помогают. – Ири махнул рукой в сторону колонны мамонтов. – Сихиртя пасут я'хора. В средний мир не ходят. Ты помогаешь.

⁶ Сихиртя – в ненецкой мифологии мифический народ, ныне живущий под землёй, боящийся дневного света, обитавший

– Хорошо, – так легко согласился Данил с пынқыром, что второй Данил обернулся. Мол, друг, ты на что нас обоих подписываешь?

Невесомые старческие ладони легли на лицо Данила. Какого из двоих, уже не имело значения. Важно было одно: он видел. Видел не темноту под закрытыми веками, не мрачную равнину с медленно идущими мамонтами. Он видел реку, он нёсся вместе с водами между двух берегов. На мгновение ему показалось, что он узнал место. То самое, где их с Кальеву бревно поймал на крючок рыбак Ильдар. И дальше, дальше вниз по реке. Подмытый водой берег, узкая полоска песчаного пляжа. Сломанная лиственница, лежащая в воде у берега, на узловатых ветвях висят грязные серые ленты. На секунду вдалеке мелькнули силуэты строительной техники – экскаватор с опущенным ковшом, самосвал.

– Дорога. Слишком близко. Но далеко. Не могу идти дальше. – Печальный голос Ири Харва прозвучал над самым ухом.

Запел пынқыр – резко, пронзительно. По лицу Данила мазнули чем-то мокрым. И ещё раз, и ещё. Через мгновение он очнулся в своей постели. Пульс бешено колотился в висках. Зулус, жалобно поскуливая, лизал хозяину лицо.

Открылась дверь, заглянула мама.

– Что? – хрипло спросил Данил.

– Это я тебя спрашиваю, что! Ты кричал.

За маминым плечом в свете белой ночи маячил папин силуэт, похожий на призрак.

– Кошмар приснился. – Данил облизнул сухие губы.

– Тебе что-нибудь принести? – заволновалась мама. – Воды? Чаю, может быть, тёплого?

– Не надо, я в норме. – Данил сел на постели, шумно выдохнул, почесал за ухом добермана. – Сам схожу на кухню попить, а вы давайте ложитесь.

Он нашупал под одеялом коробочку с пынқыром и незаметно пропихнул её под подушку.

* * *

– Нет, ну ты представляешь! Отменили собеседование! Говорят, взяли кого-то уже.

Этими словами мама встретила Данила, когда он, отчаянно зевая, вошёл на кухню. У мамы за плечом ему почудилось мутное пятно, но оно исчезло, стоило сфокусировать взгляд.

«Если ещё и мерещиться всякое начнёт...» – подумал Данил.

– Сочувствую, – сказал он, не зная, как ещё поддержать.

Попробовать обнять? Но видно было, что мама опять вся как сжатая пружина, тронешь неловко – берегись. Мама ничего не ответила, шлёпнула ему на тарелку кусок омлета, а следом – пару долек помидора и бутерброд с сыром. Налила чай по рассеянности в папину кружку с фото Севастополя, со стуком поставила на стол рядом с тарелкой.

Данил молча уселся и принялся есть. Зулус тут же подошёл, положил морду хозяину на колени в надежде на угощение. Зу обожал омлет, но Данил не рискнул поделиться с доберманом даже кусочком. Очередного скандала с утра совсем не хотелось. Он-то уже порадовался, что у мамы загорелись глаза – нашлась работа, да ещё и совсем рядом с домом. И такой облом!

Мама не стала сидеть с ним на кухне, как обычно по утрам. Ушла в комнату. Данил решил всё-таки сходить в музей, раз Ильдар ему посоветовал, и показать монетку от Кальеву. Они там всё же специалисты, подскажут, что это и откуда. Накатило муторное послевкусие сна, и Данил едва не поперхнулся чаем.

Я́хора идут. Мамонты в сумраке под землёй. Старик с выцветшими лентами в спутанных седых волосах. Дорога. Что-то про дорогу.

Данил встряхнул головой, отгоняя морок. Зулус, шумно фыркая, повторил его движение и затанцевал на месте. Явно намекал, что «хороший мальчик» заслужил кусочек омлета. Он ведь берёт сон хозяина и вовремя его разбудил!

– Эх, Зу. – Данил протянул доберману на ладони последний оставшийся кусочек. – Я ведь так и не понял, чего от меня хотел этот Ири. Чтобы дорогу перенесли? Какую дорогу? И причём тут вообще я?

Позже Данил порадовался, что музей оказался в двух шагах от дома. А начиналось всё очень даже неплохо. Они с Зу погуляли, Данил завёл пса домой, взял с собой монетку и отправился в музей. Билет для школьников стоил всего сто рублей, кроме Данила был только один посетитель. Мужчина с фотоаппаратом переговорил со смотрительницей и отправился вглубь зала.

Данил решил сперва выяснить, что вообще есть в этом самом Пуровском музее. Он смутно помнил, как в пятом классе их водили в краеведческий музей Саратова. В памяти отпечатался двухэтажный жёлтый особняк с колоннами и тишина полупустых залов. Шёпот учительницы, пытавшейся собрать всех около себя, чтобы не разбежались, звучал там ужасно громко.

Наверное, весь местный музей поместился бы в том особняке в одном зале. Не вовремя кольнула тоска: неужели он никогда не смирится с переездом? Данил подошёл к ближайшей витрине, где была выставлена глиняная посуда. Посмотрел на плоски несколько секунд и направился дальше. Над дверью в соседний зал висела голова оленя. Казалось, она внимательно наблюдает за Данилом.

У стенда с датами и фотографиями, посвящённого истории города, Данил задержался чуть дольше, но странное чувство – предвкушение? – гнало дальше. Мимо модели лодки и национальных костюмов, мимо витрин с какими-то ещё фотографиями и документами, мимо непонятных сундуков, чума в натуральную величину...

В самом дальнем конце второго зала Данил остановился перед высокой витриной. Что-то словно толкнуло в грудь: вот оно! Данил поднял глаза. В первый момент показалось, что на него кто-то зыркнул быстрым оценивающим взглядом, но через секунду Данил понял, что в витрине перед ним – манекен. Одет в куртку и штаны из бежевой кожи с бахромой и подвесками из кости и металла. На ногах – меховые сапоги, на руках – грубо сшитые меховые рукавицы. Мехом обернули даже конец колотушки, которой манекен явно собирался ударить в большой бубен. А вот лица у фигуры не было. Вместо него висел лоскут бордовой ткани.

«Шаман Крайнего Севера», – прочитал Данил на табличке около витрины. В этот момент за спиной послышался топот. Данил обернулся. Тот мужчина с фотоаппаратом на ремне через плечо решительным шагом подошёл к витрине, за посетителем едва поспевала ещё одна сотрудница музея – невысокая рыжая женщина в очках. При виде Данила мужчина поморщился и махнул рукой – отойди, мол.

«С какой стати?» – насупился Данил, но вслух ничего не сказал. Сделал один небольшой шаг влево и остановился. Мужчина недовольно покосился, но тоже не стал ничего говорить.

– А вот здесь наша легенда, – заговорила сотрудница. – С этим экспонатом связана удивительная история.

– И какая же? – Мужчина защёлкал фотоаппаратом, вставая то так, то этак и заставляя Данила отступить от витрины с манекеном шамана.

– Наша уборщица, Елена, хотела протереть пыль под витриной и попыталась сдвинуть экспонат. И представляете, витрина не сдвинулась ни на сантиметр! Как будто прилипла к полу!

– Да что вы говорите! – насмешливо отозвался мужчина, продолжая щёлкать на фотоаппарат то сапоги манекена, то бубен, то отдельные костяные подвески.

Сотрудница музея, не замечая иронии, продолжала вдохновенно рассказывать:

– Мы позвали на помощь ночного охранника, но и он не смог подвинуть витрину. Даже когда приехал на помощь муж Елены, они втроём не смогли ничего сделать. Двое крепких мужчин и не самая хрупкая женщина!

– И чем же всё закончилось?

– Представляете, мне удалось им помочь!

– Неужели вы ещё и чемпион по пауэрлифтингу, Тамара... эм-м... Евгеньевна?

Данила передёрнуло от ядовитого тона. Он всё же отошёл от мельтешащего перед витриной фотографа, повернулся к нему спиной и стал рассматривать большой стенд на стене. «Шаманы Ямала», – гласила надпись сверху. И ниже: «Шаман – это проводник и связующее звено между мирами. Народы Ямала делили их на шаманов верхнего, среднего и нижнего миров. Ненцы называли шаманов верхнего мира выду тана...»

– Я Тамара Григорьевна, Александр Викторович. Дело ведь не в силе. Я просто с уважением отнеслась к экспонату и попросила, чтобы шаман позволил навести порядок под его витриной.

Данил слушал краем уха и одновременно читал: «Жители Ямала верили, что шаманы способны разговаривать с духами. Это могут быть духи местности, природных явлений и...»

– И тогда витрину удалось сдвинуть одной рукой!

– Продемонстрируете? – усмехнулся фотограф.

«...Духи могут помочь шаману управлять погодой, дают подсказки и делятся знаниями...» – читал Данил.

– Я же говорю: уважительное отношение! Вряд ли уместно демонстрировать что-то сейчас.

– А давайте всё же попробуем!

Данил обернулся как раз в тот момент, когда фотограф упёрся ладонью в витрину и толкнул её. Витрина не сдвинулась. Данилу почудилось, что бордовая ткань на месте лица манекена шевельнулась.

– При всём уважении к вашим научным заслугам, Александр Викторович...

И тут по ушам ударил вой сирены пожарной сигнализации. «Посетителей музея просят срочно пройти к выходу!» – загремел под сводами музея механический голос. Данил завертел головой, отыскивая выход из зала. Взгляд выхватил ещё одну фразу со стенда: «Шаманам приписывают способность смотреть глазами других людей, животных и птиц...»

– Пройдёмте на выход! – настойчиво говорила в этот момент Тамара Григорьевна. – Мальчик, тебя это тоже касается!

Данил кивнул, сделал шаг. Голова закружилась. На мгновение он увидел выход из музея и смотрительницу, которая суетливо набирала какой-то номер на телефоне. Он как будто бы наблюдал сверху. Но ведь выход и смотрительница были где-то там, за стеной...

– Мальчик, тебе плохо?

– Нет, – встряхнулся Данил, фокусируя взгляд. – Я в порядке. Это же учебная тревога?

– Я не знаю, но по правилам нужно покинуть помещение! – Тамара Григорьевна как будто и правда была чемпионкой по пауэрлифтингу. Оказывается, она уже тащила Данила с фотографом под руки к двери зала. Около поста смотрительницы Данил опомнился и вырвал руку.

– Я не успел спросить!

Фотограф закатил глаза, вывернулся из хватки сотрудницы музея и быстро пошёл к выходу.

– Да какое «спросить»? У нас тут что, поликлиника? – попыталась отмахнуться Тамара Григорьевна.

– Ну, тревога же наверняка учебная, что вам стоит!

– Выходи, мальчик, нас штрафуют, если мы по пожарной тревоге не выводим посетителей! – поддержала коллегу смотрительница. – Быстро!

Данил редко спорил с взрослыми, но тут его понесло.

– Мне срочно нужно узнать про одну находку!

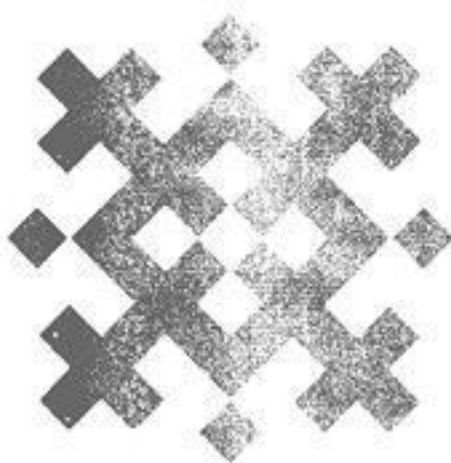
– Выходи на крыльцо! – махнула ему рукой Тамара Григорьевна. – Ну, что у тебя?

Данил ожидал, что она удивится и попросит рассмотреть поближе. Но Тамара Григорьевна только скользнула взглядом по монетке Кальеву и полезла в сумочку.

– Это нам не интересно, это к кузнецу Вэку. – Она размашисто начеркала адрес на жёлтом блоке для записей, оторвала лист и вручила Данилу. – А в музей приходи после обеда.

Данил пробормотал «спасибо» и стал спускаться по ступенькам с крыльца. Вот тебе и квест, закрытая локация! Пиликнул телефон: мама просила купить молока и сметаны. Ещё один побочный квест. Позади в музее никак не смолкала пожарная сигнализация. Данилу чудилось, что кто-то смотрит ему вслед. Нет, не фотограф и не сотрудница музея, которые уже вернулись к прерванному разговору.

Кто-то, кто может смотреть даже глазами чучела оленя на стене.

Глава 4, в которой можно стать свидетелем необычного поединка, а также познакомиться с разными жителями Тарко-Сале – нормальными и не очень

После прохлады подъезда уличная жара обрушилась со всех сторон. Данил прищурился и вышел, похрустывая песком, скопившимся на асфальте у дома. Солнце наконец догадалось, что на дворе середина июня, и прошупывало обжигающими лучами каждый потаённый уголок города, растапливая остатки льда и слежавшегося грязного снега.

Данил мгновенно вспотел и снял куртку, но небольшой порыв ветра, прилетевшего откуда-то с Арктики, заставил его передумать. Север никогда не даёт забыть о том, где ты находишься. Так что он снова надел куртку и пошарил по карманам. Монетки – под замочком, пынкыр – в нагрудном, не то. Наконец он достал жёлтый листок, на котором экскурсовод записала адрес кузнеца. Мастерская была сравнительно недалеко, но с навигатором всё-таки надёжнее. Он забил адрес в телефон. Сегодня северные боги были благосклонны к джиписэс, и навигатор сразу построил маршрут. Пятнадцать минут пешком. Данил оглянулся на дом. Из окна кухни выглядывала мама. Он махнул ей рукой и, не дождавшись ответного жеста, отправился по проложенному маршруту.

Данил пробежал по «зебре» и решил срезать через сквер, хотя навигатор упорно вёл в обход, считая, что ни одной дорожки там нет. Данил сунул телефон в карман и зашагал по серому плиточному тротуару, в который не верил навигатор. Дорожка изгибалась широкой дугой, разделяясь на тропинки помельче, и, словно река, собирала ответвления обратно в основное русло. Билась боками о скамейки и травянистые поляны, обрамлялась песком и снова изгибалась, обходя стороной деревья.

В кармане завибрировал телефон. Данил достал его и едва не выругался. Навигатор снова потерял спутники. В этот момент ему в лицо словно швырнули горсть листьев вперемешку с пылью и песком.

Данил прочистил глаза, проморгался и осмотрелся. В сквере было тихо, безветренно и пусто. Только в самом начале дорожки на лавочке сидела женщина с детской коляской. Но вряд ли это она бегала по скверу и швырялась мусором в прохожих. Подул лёгкий ветерок, потом он внезапно окреп, зачерпнул с газона у корней берёзы новую порцию листьев, швырнул в Данила и мгновенно затих.

«Так, что-то такое уже было», – подумал Данил. Снова потянуло сквозняком, но теперь с другой стороны. Ветер собрал листья с дорожки, поднял их, покружил около скамейки, а затем понёс к той самой берёзе, которая швырялась в Данила. Листья осыпались, сползая по белёсому стволу и светло-коричневым корням, замирая на песке. Ветер затих.

Третий порыв уже не ощущался лёгким дуновением или сквозняком. Просвистев в ветках берёзы, он смёл листву, веточки, да и камешки помельче и потащил в сторону Данила, слегка подкручивая весь собранный мусор. Данил попятился, придерживая рвущуюся с плеч куртку, и оказался в полосе полного безветрия. Только вот в трёх шагах от него ветер наращивал силы, он качал берёзу, играя её ветвями. Завернувшись в миниатюрный пылевой вихрь, ветер остановился посреди дорожки.

Стоящая по другую сторону тротуара лиственница чуть качнулась, потом нагнулась сильнее и вдруг тоже тонко засвистела ветками на усиливающемся ветру. С ветвей посыпались

подсохшие иголки, но не достигали земли, а, подхваченные порывом, понеслись навстречу берёзово-песочному вихрю. Порыв смял мини-торнадо, прибывая листья и песок к земле. Но спустя мгновение тот возник снова. Берёза закачалась, осыпая землю листьями, где их ловил ветер и тащил к завихрению. Новый порыв заставил сухо скрипнуть сосну, и иголки посыпались ливнем. Зелёный колкий поток потянулся к вихрю и затанцевал, сливаясь с ним воедино. Вихрь наполнился тёмно-зелёной игольчатой струёй, покачнувшись, сдвигаясь в сторону лиственницы, но тут же отклонился назад, всё быстрее устремляясь к берёзе. Там он разорвался, затихая. Последний всплеск ветра осыпал берёзу листьями, песком и иголками. И снова наступила тишина.

Данил оглянулся. Женщина поднялась со скамейки и медленно покатила коляску вглубь сквера. Видимо, так и не заметив сражения ветров (или деревьев?) в двадцати метрах от себя.

Сплюнув скрипящий на зубах песок, Данил начал потихоньку пятиться от странного места, потом развернулся и пошёл быстрее, постоянно оборачиваясь. Из сквера он практически выбежал, едва не сбив идущего по делам мужчину. Данил извинился в ответ на неодобрительное покачивание головой, и тут снова завибрировал телефон. Данил взглянул на экран: спутники снова на связи. Мастерская кузнеца находилась совсем рядом – через дорогу.

Колокольчик на двери тихо звякнул. Данил вошёл, не зная, к чему быть готовым. Он ожидал увидеть большие молоты, ревуший огонь, измазанного в саже низкорослого широкоплечего мужика. Но за дверью оказалось нечто среднее между магазином и музеем. Возле входа по обе стороны стояли небольшие квадратные диванчики. Данил уселся на один из них, ожидая, что кто-нибудь выйдет в зал, но не дождался.

Тогда он пошёл вдоль витрин, разглядывая разложенные там богатства. Витрины – длинные, стеклянные и подсвеченные миниатюрными лампочками – совсем не походили на обычные полки в мастерской. Скорее это напоминало ювелирный магазин. На полках красовались сувениры. Похожие на те, что он видел на недавнем фестивале. Ряды резных фигурок – шаманы, рыбаки и охотники, собаки и олени, волки и медведи. А ещё... мамонты. Воспоминание морозом пробежало по коже Данила. Он вздохнул и двинулся вдоль прилавка. На следующем располагались куколки из обрезков меха и ткани, затем шли изделия из металла. Явно функциональные, но абсолютно непонятные. Дальше лежало грубо выкованное оружие.

Данил наклонился к самому стеклу, разглядывая нож, будто созданный рукой ребёнка. Кусок металла словно случайно отбили молотом, а рукоятка была настолько толще лезвия, что казалась приделанной по ошибке.

– Хороший выбор, – раздался низкий мужской голос совсем рядом.

Данил вздрогнул, стукнулся лбом о стекло и отскочил от витрины. Напротив стоял высокий худой мужчина. На его лице была улыбка, но чёрные глаза смотрели внимательно и без капельки веселья.

– Хороший выбор, – повторил мужчина. – Подыскиваете сувенир?

– Нет, я по другому поводу. Меня из музея отправили. Сказали Вэка найти. Это такое прозвище? Можете мне помочь разобраться с находкой? Меня Данил зовут! А вы сами всё это делали?

– Так! Остановись! Давай по порядку. Я Николай Вэк. Нет, не всё, что на витрине, я сделал сам. Кое-что из удачных мастер-классов, кое-что подарили, ну и кое-что нашёл. Кстати, а ты что принёс?

Данил зачем-то оглянулся по сторонам. Естественно, никого не увидев, вытащил из кармана куртки завернутую в платок монету. Он положил свёрток на витрину и разматал. В хорошо поставленном свете монета засверкала тёмным золотом. Теперь она и вовсе не выглядела старой, но мастер внезапно заинтересовался.

– Можно поближе посмотреть? – спросил он, протягивая руку к монете.

Данил отчего-то не смог ответить утвердительно. Пока он молчал, кузнец кивнул каким-то своим мыслям и даже слегка улыбнулся.

– Понимаю. Тогда бери монету, пойдём с тобой в мастерскую. Будем разглядывать вместе.

Он пропустил Данила за прилавок, открыл дверь в длинный узкий коридор. Тот упирался в ещё одну дверь, но не такую аккуратную и красивую, как входная. Уже в середине коридора Данила начал беспокоить запах. Пахло скверно, словно поблизости что-то испортилось. Когда Николай открыл дверь в мастерскую, Данил и вовсе остановился. Из проёма сначала дохнуло жаром, а потом запахло едкой эпоксидной смолой, гнилью, палёной костью и жжёным железом.

– Да проходи, не бойся, – криво усмехнулся кузнец. – Красота вот так и рождается. В копоти, грязи и вони.

В мастерской царила полутьма. Свет давали только несколько ламп над рабочим столом и тусклая лампа под потолком. Одинокая, без плафона, замотанная в конус из газеты. Данил видел такое в каком-то старом фильме. На столе и многочисленных полках были разложены вещи, которые кого-то могли напугать до заикания. На рабочем столе лежал расколотый вдоль большой череп с острыми зубами и продолговатыми клыками. На полке поодаль на деревянной подставке стояла челюсть, похожая на человеческую. Пожелтевшая, наверное, от времени, в странных тёмных пятнах. На других полках стояли резные фигуры из разного материала и разной степени готовности.

Только одна вещь выбивалась из общей картины – рамка с фотографией темноглазой девочки на одной из полок. Данил успел зацепиться взглядом за деревянную заколку в её волосах, похожую на силуэт оленя. Но потом взгляд скользнул вниз, и Данил тут же забыл про фото. Пол у стены был полностью завален... бивнями мамонтов.

Данил резко остановился. Николай удивлённо оглянулся:

– Ты чего? Это просто старые кости.

– Я? Да так... Давайте с монетой разберёмся.

– Хорошо, подходи сюда. А костей не бойся. Это уже даже и не кости, а наполовину минерал, наполовину земля.

Кузнец подошёл к длинному столу, включил несколько направленных светильников и приблизил к центру огромную линзу на подставке, до ужаса напоминающей стальной скелет. Николай повернул один из суставов скелета, на конце которого была размещена небольшая струбцина, кивнул Данилу:

– Закрепляй, будем смотреть!

Данил разместил между пластиковыми захватами монетку и аккуратно поворачивал барашек, пока та не оказалась захвачена. Убрал пальцы, практически не дыша, но монета осталась надёжно закреплённой. Данил посмотрел на кузнеца, тот махнул рукой, приглашая – смотри, мол. В сильном приближении монета напоминала планету с горами и кратерами. Большую часть занимало выпуклое, но затёртое изображение. Собственно, монеткой Данил называл бронзовый кругляш из-за того, что размер и толщина были подходящими. А так – затёртый бугристый кусок металла. Данил разочарованно вздохнул. Кузнец, наоборот, воодушевился:

– Так ты не понимаешь? Это старинная монета. Смотри.

Николай взял кисть, обмакнул в какой-то раствор и провёл ею по шершавой поверхности. Металл потемнел, но на нём проступили более чёткие линии. Бугорки сложились в силуэт птицы с раскинутыми крыльями и острым клювом. По краю монеты шёл узор, похожий на заплетённую косу.

– Потрясающе, – сказал кузнец. – В музее сказали, что это новодел? Ты с уборщицей разговаривал, что ли?

– Я не знаю, – пожал плечами Данил. – Она покрутила монетку и отдала обратно. Сказала, что это не интересно.

– Ладно. Я бы мог соврать, но не буду. Это довольно редкая монета. Возможно, полу́йская ⁷. Дам тебе за неё пять тысяч!

Данил аккуратно отвернул барашек струбцины и поймал монетку в ладонь.

– Извините, она не продаётся.

– Десять? – вопросительно поднял брови кузнец. Потом улыбнулся и махнул рукой. – Ладно, не продаётся так не продаётся. Предложение в силе. Если что, ты знаешь, где меня найти. Пойдём, провожу тебя.

Данил положил монету в нагрудный карман, аккуратно завернув её перед этим, и пошёл вслед за кузнецом к выходу из мастерской. Над выходом был подвешен на цепях огромный жёлтый, покрытый чёрными трещинами бивень. Данил попятился и упёрся в стоящего за его спиной кузнеца.

– Парень, да что у тебя с мамонтами? – услышал он вкрадчивый голос Вэка.

– Они идут в тумане под землёй, – не успев задуматься, выпалил Данил.

Николай повернул Данила к себе за плечи и тихо сказал, глядя ему в глаза:

– Расскажи о подземных оленях ⁸.

У Данила немного закружилась голова. Руки и ноги словно слегка онемели, но это было приятное ощущение, а глаза кузнеца – большие чёрные камни – требовательно смотрели прямо в душу.

– Я́хора идут. Я́хора не видят... – пробормотал Данил.

– Верно, не видят. А ты видишь?

– Вижу вывороченное с корнем дерево в лентах на берегу, старый Ири Харв.

– Что же со старым Ири Харвом? – Голос Вэка раскатился эхом.

– Он переживает из-за дороги!

– Покажи мне старого Ири, – требовательно сказал кузнец. – Просто представь, что ты видел.

У Данила перед глазами промелькнули песчаный пляж и холм со сломанной лиственницей.

– Это он дал тебе мядонзэй ⁹ монетку?

Данила словно ударило током, он вырвался из хвата кузнеца. И выкрикнул ему в лицо:

– Вы что со мной делаете?!

Кузнец расстроено опустил голову.

– Прости, парень, я думал, ты меня разыгрываешь. Старые сказки про мамонтов, монетка пропавшего народа. Я ввёл тебя в лёгкий транс. Чтобы прояснить.

Данил не стал отвечать, попятился к двери и, проскочив в неё почти бегом, понёсся по коридору к выходу в выставочный зал. Он уже обогнул витрины, когда в зале появился Николай.

– Я знаю, о чём говорил старый дух, – сказал он.

– Ничего вы не знаете! – взвился Данил.

– По этому месту будут проводить дорогу. В ту сторону уже отсыпка идёт. Как убедишься, приходи. У меня кое-что есть для такого случая.

Данил быстрым шагом вылетел на свежий воздух и закрыл за собой дверь мастерской. В голове крутилось: это просто квест. Нужно выполнить дополнительное задание и вернуться. Или забыть.

⁷ Усть-Полу́йская культура – археологическая культура железного века (IV век до н. э. – II век н. э.). Памятники культуры расположены в Ямало-Ненецком автономном округе на полуострове Ямал.

⁸ Подземными оленями (я́хора) ненцы называют мамонтов.

⁹ Гостинец-подарок (*нен.*).

Данил вывел Зулуса из подъезда, придержал его и привычно осмотрелся, чтобы не напугать прохожих. Потом распустил поводок, давая псу больше свободы. Пока Зу обнюхивал тщедушные берёзки у дома, Данил достал телефон и написал Косте:

«Привет, чел».

«Здоров. Что нового?»

«Слушай, в такую фигню странную попал. Я тут ходил в сувенирную мастерскую. Меня там мужик загипнотизировал».

«Он что? Он тебя... трогал?»

«Да!»

«В смысле нет!»

«Блин, там другое. Я нашёл старинную монетку, и он выпрашивал, откуда я её взял».

«Ого, и что за монетка? Сфоткай».

Данил сунул руку в карман. Он точно помнил, что монетка лежала в куртке. Он перебрал всё. Нашлись старые чеки, ключи, железный мишка (тут же улетевший в пасть Зулусу) и носовой платок.

«Слушай, я дома её забыл. Потом сфоткаю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.